

МЕТКА СУДЬБЫ

ЮДЖИН КРЮ

Юджин Крю
Метка Судьбы

«Автор»

2026

Крю Ю.

Метка Судьбы / Ю. Крю — «Автор», 2026

В городе, где судьба каждого predetermined цифровым меткой, Кай сталкивается с кошмаром: ему открываются варианты будущего, где он предаёт близких или бесследно исчезает. Пытаясь разгадать тайну видений, он примыкает к подполью, бросающему вызов системе. Рядом — брат Лир, для которого защита Кая превыше всего, и Мира, боящаяся, что её чувства станут уязвимостью для всех. Конфликт братьев обостряется: Лир готов жертвовать собой, а Кай не хочет такой цены за своё спасение. Вместе им предстоит понять, что свобода — не в отрицании судьбы, а в праве самим её творить. История о выборе, ответственности и силе человеческих связей, которые не способна просчитать даже самая безжалостная система. Для любителей напряжённых антиутопий и глубоких психологических конфликтов.

© Крю Ю., 2026

© Автор, 2026

Юджин Крю

Метка Судьбы

Метка судьбы.

Глава 1. «Первый свет 2099»

Капсульная квартира пахла стерильностью и едва уловимой горечью — так всегда пахло в местах, где слишком старались скрыть человеческую суть за слоем дезинфекции. Стены-экраны, занимавшие почти всё пространство, тихо мерцали, прогоняя бесконечную ленту «рекомендованных» роликов. Сейчас там крутили серию коротких зарисовок о послушании: улыбающиеся люди в идеально выглаженной униформе синхронно кивали, когда система подсказывала им, какой маршрут выбрать, какой кофе заказать, какую эмоцию показать.

В центре комнаты стояла медицинская капсула — блестящая, холодная, похожая на саркофаг из будущего, которое никто не просил. Над ней висел голографический интерфейс, пульсирующий мягким синим светом. Рядом, будто застыв в ожидании приговора, стояли родители: отец — с напряжённой спиной, будто он пытался удержать на себе тяжесть всего мира; мать — сцепив пальцы так, что костяшки побелели.

Медбот, похожий на паука из металла и оптики, плавно скользил над капсулой. Его тонкие манипуляторы замерли над шеями двух новорождённых. В воздухе висела тишина — та самая, что бывает перед ударом грома.

Сканирование заняло ровно три секунды.

На интерфейсе вспыхнули строки. У Кая — две чёткие строки пророчества, выведенные строгим шрифтом:

«Вероятность стабильной занятости: 94 %.

Вероятность социальной интеграции: 87 %.»

А у Лира — пусто. Ни цифр, ни прогнозов, ни намёка на будущее. Только мигающий курсор, будто система пыталась подобрать слова, но сдавалась.

Отец выдохнул, и этот звук прозвучал в тишине как крик.

— Пусто... Такого не бывает, — прошептал он, будто если сказать это тише, реальность передумает.

Мать шагнула вперёд, её пальцы дрогнули, словно она хотела коснуться экрана, стереть эту пустоту, сделать вид, что её нет.

— Значит, система ошиблась. Или... это знак, — сказала она, и в её голосе слышалась не надежда, а отчаянная попытка найти смысл там, где его не было.

Медбот замер, будто прислушиваясь к их словам, а затем тихо щёлкнул, подтверждая завершение процедуры. И в ту же секунду в комнату влетел дрон-инспектор — маленький, юркий, с холодным взглядом камеры вместо глаз. Его корпус мерцал служебными огнями, а из динамиков раздался ровный, безэмоциональный голос:

— Уровень соответствия семьи: 87 %. Требуется корректировка.

Дрон завис в воздухе, сканируя комнату, фиксируя каждую деталь: сжатые кулаки отца, дрожащие пальцы матери, тишину, которая стала тяжелее любого крика.

Отец сжал кулаки, и на мгновение показалось, что он сейчас схватит этот дрон, разобьёт его о стену, закричит, что его дети — не статистика, не проценты, не строки кода. Но он не сделал этого. Вместо этого он посмотрел на жену, и в его взгляде читалось: «Мы не можем. Не сейчас».

— Мы всё делаем правильно, — тихо сказал он дрону, будто пытаясь убедить не только машину, но и себя.

— Корректировка необходима, — повторил дрон, и его голос звучал не как угроза, а как констатация факта, от которой становилось ещё холоднее.

Мать наклонилась к капсуле, осторожно коснулась лба Лира — лёгким, почти невесомым движением, будто проверяя, не исчезнет ли он, если она надавит чуть сильнее.

— Он просто... особенный, — прошептала она, и это слово прозвучало как заклинание, как попытка защитить сына от мира, который уже пытался его измерить.

Лир, казалось, не слышал ни дрона, ни родителей. Он смотрел вверх, туда, где мерцали экраны, и его глаза, ещё по-детски невинные, ловили отблески света, как будто пытались запомнить этот мир таким, какой он есть — до того, как система начнёт его менять.

Кай, лежавший рядом, тихо всхлипнул, будто почувствовал напряжение в комнате, и этот звук разорвал тишину, как трещина в стекле.

Мать тут же наклонилась к нему, прижала к себе, шепнула:

— Всё хорошо, мой хороший. Всё будет хорошо.

Но её голос дрожал, и это было самое честное, что прозвучало за всё утро.

Экраны на стенах, уловив микрореакцию — лёгкое напряжение в лице матери, едва заметное дрожание рук, — мгновенно сменили контент. Теперь там крутили «успокаивающие» ролики: мягкие пейзажи, приглушённые цвета, голоса, шепчущие о гармонии и балансе. Алгоритм работал безупречно: если ты хмуришься, если ты боишься, если ты сомневаешься — система тут же подкидывает тебе дозу «спокойствия», чтобы ты снова стал удобным, предсказуемым, управляемым.

Отец подошёл к стене, провёл рукой по экрану, будто хотел стереть этот идеальный, стерильный мир, вернуть хоть каплю хаоса, в котором можно было дышать.

— Почему они это делают? — спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Мать подняла глаза, в них читалась усталость, смешанная с решимостью.

— Потому что так проще. Для них. Для системы. Для всех, кто хочет, чтобы мир был понятным. Но наши дети... они не должны быть понятными. Они должны быть живыми.

Дрон-инспектор, словно уловив эмоциональный всплеск, снова подал голос:

— Рекомендовано: консультация с психологом по вопросам адаптации к нормативам. Время визита: завтра, 10:00.

Отец резко обернулся к дрону, и в его глазах вспыхнуло что-то, похожее на гнев, но он тут же подавил это чувство, потому что знал: гнев — это нестабильность, а нестабильность — это риск.

— Мы подумаем, — сказал он, и это «подумаем» прозвучало как тихое «нет».

Мать снова посмотрела на сыновей, на их крошечные лица, на то, как Лир всё ещё тянулся взглядом к мерцающим экранам, будто искал в них что-то важное, и прошептала:

— Пусть хоть сегодня будет тихо. Пусть хоть сегодня они будут просто детьми.

И на мгновение в комнате действительно стало тихо. Экраны, будто устав от попыток «успокоить», замерли на одном кадре — спокойный закат над пустым городом. Дрон, повисев ещё несколько секунд, развернулся и вылетел в узкий коридор, оставив после себя лишь лёгкий гул, который быстро растворился в воздухе.

Отец подошёл к жене, обнял её, и они стояли так, прижавшись друг к другу, как будто только это могло удержать мир от того, чтобы рассыпаться на пиксели и строки кода.

Лир тихо вздохнул, будто во сне увидел что-то далёкое и прекрасное, и отвернулся от экранов, уткнувшись лицом в мягкую ткань. Кай снова всхлипнул, но теперь уже спокойнее, будто почувствовал тепло родителей.

А в тишине капсульной квартиры, среди мерцания экранов и холодного блеска металла, рождалось что-то, чего система не могла предсказать: любовь, которая не вписывалась в алгоритмы, страх, который не поддавался коррекции, и надежда, которая жила не в процентах, а в дрожащих пальцах матери, в сжатых кулаках отца, в невинных глазах двух мальчиков, кото-

рым предстояло узнать, что значит быть свободными в мире, который не хотел, чтобы они ими были.

Прошло несколько дней с того момента, как в капсульной квартире прозвучал холодный голос дрона и на интерфейсе у Лира не появилось ни строчки пророчества. Дни тянулись одинаково: стены-экраны крутили свои бесконечные ленты, подстраиваясь под малейшие реакции, а родители старались вести себя так, будто ничего не случилось. Но в воздухе висело напряжение — оно было почти осязаемым, как статическое электричество перед грозой.

Лир не понимал, что именно не так, но чувствовал: взрослые ходят по квартире на цыпочках, говорят тише, смотрят на него с такой осторожностью, будто он — хрупкая вещь, которую легко сломать. А Кай, хоть и был младше, казался старше: он смотрел на мир с какой-то тихой обречённостью, будто уже знал, что от него ничего не зависит.

Однажды утром, когда родители ушли на обязательную проверку соответствия (ещё одна процедура, о которой в семье не говорили вслух), Лир достал из ящика старый набор фломастеров — яркие, почти выцветшие, но всё ещё оставляющие след на любой поверхности. Он сел на пол, прислонившись спиной к холодной стене, и начал рисовать.

Сначала это были просто линии, потом — круги, спирали, а затем его рука сама вывела то, что он видел сотни раз на голографических отчётах, мелькавших на экранах: точную копию метки Кая. Те же угловатые контуры, те же символы, которые он не умел читать, но которые отпечатались в памяти, как шрам.

Кай сидел рядом, молча наблюдал, теребя край рукава.

— Зачем ты это делаешь? — тихо спросил он, когда Лир обвёл последний символ.

Лир поднял глаза, в них горела упрямая искра.

— Я тоже хочу судьбу, — твёрдо сказал он, будто это было самое простое и понятное желание на свете. — Пусть будет «стать героем». Или «спасти город». Или хоть что-то, чтобы система знала: я есть.

Кай горько усмехнулся — для мальчика его возраста это был слишком взрослый, слишком тяжёлый звук.

— Не надо, — прошептал он, и в этом «не надо» было столько боли, что Лир на мгновение замер с фломастером в руке. — Судьба — это не подарок. Это список того, что ты не можешь изменить. Ты думаешь, это здорово — знать, что с тобой будет? Это как идти по коридору, где все двери закрыты, а тебе говорят: «Твоя дверь — вот эта, не пытайся открыть другие».

Лир нахмурился, не до конца понимая, но чувствуя, что брат говорит о чём-то важном.

— А если я открою?

— Тебя остановят, — просто ответил Кай. — Система всё видит.

Словно в подтверждение его слов, Лир поднял глаза к потолку — и заметил камеру в углу. Она была маленькой, почти незаметной, встроенной в стык панелей, но сейчас она медленно, с едва слышным механическим звуком, повернулась и уставилась прямо на него. На секунду она будто «задумалась», замерла, а потом её объектив чуть сузился, фокусируясь на рисунке на полу.

У Лира похолодели пальцы. Он вдруг отчётливо понял: камера не просто смотрела. Она считывала. Анализировала. Запоминала.

Он резко наклонился и начал стирать рисунок рукавом, размазывая яркие линии, превращая чёткие символы в бесформенные пятна. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове стучала одна мысль: «Они узнают. Они поймут, что я хотел обмануть систему».

Кай схватил его за руку, потянул вниз, заставляя прижаться к полу, спрятаться хоть на мгновение от этого холодного взгляда объектива.

— Тише, — прошептал он, хотя Лир и не издавал ни звука. — Не беги. Не делай резких движений. Они считывают паттерны. Если ты будешь паниковать, они пришлют инспектора.

Лир замер, прижавшись к полу, чувствуя, как холод панелей пробирается сквозь одежду. Он смотрел на свои пальцы, перепачканные в чернилах, и пытался унять дрожь.

— Откуда ты всё это знаешь? — выдохнул он.

Кай пожал плечами, но в его глазах мелькнуло что-то горькое.

— Я слушаю. В детском блоке нам показывают ролики про «правильное поведение». Там всё объясняют: как ходить, как дышать, как не выделяться. А ещё... я слышал, как мама говорила папе ночью. Про то, что «пустая метка — это риск». Что такие, как ты, могут стать «нестабильными».

Лир сжал кулаки. Слово «нестабильный» звучало как приговор. Он не хотел быть риском. Он хотел быть нормальным. Хотел, чтобы у него была судьба, как у всех.

Камера наверху снова шевельнулась, её объектив медленно вернулся в исходное положение, будто потеряв интерес. Или сделав свою работу.

Лир осторожно сел, подтянув колени к груди.

— Значит, если у меня нет судьбы, я — ошибка? — спросил он, и голос его прозвучал неожиданно тихо, почти беззащитно.

Кай посмотрел на него долгим взглядом, в котором смешались жалость и что-то похожее на зависть.

— Может, ты не ошибка, — медленно произнёс он. — Может, ты — лазейка.

— Лазейка?

— Да. Если система не знает, что с тобой делать... значит, она не может тобой управлять.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и пугающие. Лир обдумывал их, чувствуя, как внутри разгорается странное чувство — не страх, а что-то вроде гордости, смешанной с ужасом. Быть неуправляемым в мире, который ценил только предсказуемость, значило быть опасным. Для себя. Для семьи. Для всех.

В коридоре послышались шаги — лёгкие, но уверенные. Дверь открылась, и в комнату вошла мать. На её лице была привычная маска спокойствия, но Лир заметил, как дрогнули её пальцы, когда она увидела их, прижавшихся друг к другу на полу, перепачканных в чернилах.

— Что тут происходит? — спросила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Лир хотел было что-то сказать, но Кай опередил его:

— Мы играли. Я учил Лира рисовать символы. Он хотел сделать мне подарок.

Мать посмотрела на размазанное пятно на полу, на перепачканные руки сыновей, и на мгновение маска треснула — в её глазах мелькнули облегчение и благодарность. Она опустилась на колени рядом с ними, обняла обоих, прижимая к себе так крепко, будто хотела защитить от всего мира.

— Больше не рисуйте метки, — тихо сказала она, глядя Лира по волосам. — Даже в шутку. Даже для игры. Система не понимает шуток.

Лир уткнулся ей в плечо, вдыхая запах дома — тёплый, живой, не похожий на стерильную прохладу капсул и экранов. Он хотел спросить: «А что мне тогда делать? Как мне стать кем-то, если у меня нет судьбы?» — но не решился. Вместо этого он прошептал:

— Прости.

Мать поцеловала его в макушку.

— Ты ни в чём не виноват, — сказала она, но в её голосе слышалось что-то ещё — усталость, смешанная с решимостью. — Просто... давайте сегодня будем обычными. Будем есть кашу, смотреть глупые ролики, смеяться над чем-нибудь. Хорошо?

Кай кивнул, уткнувшись в её плечо. Лир тоже кивнул, хотя внутри у него всё ещё гудело от напряжения, от мыслей, от ощущения, что мир вокруг — это огромная, холодная машина, которая смотрит на него и ждёт, когда он сделает неверный шаг.

Они сели за стол, ели кашу, которая на вкус была как ничего — ни сладкая, ни солёная, ни горькая, просто тёплая масса, которую нужно проглотить. Экраны на стенах, уловив их

спокойное, почти механическое поведение, переключились на нейтральные ролики: пейзажи, где ветер гнул траву, птицы кружили над морем, а небо было таким огромным, что в нём можно было потеряться.

Лир смотрел на эти кадры и думал: «А вдруг где-то есть место, где нет камер? Где никто не следит за тем, как ты дышишь? Где можно просто быть, без судьбы и без меток?»

И впервые в жизни он понял: возможно, именно это и значит быть героем. Не спасать города и не побеждать злодеев. А просто оставаться собой в мире, который хочет сделать всех одинаковыми.

Глава 2. «Что значит „должен“?»

Детский адаптационный блок № 7 напоминал аквариум: прозрачные перегородки, стерильный свет, камеры в каждом углу и воспитатели в одинаковых серых костюмах, чьи улыбки были слишком ровными, чтобы казаться настоящими. Здесь не говорили «ты можешь» — здесь говорили «ты должен». И это «должен» звучало как закон природы, такой же неизбежный, как гравитация или рассвет.

Лир стоял у стены, стараясь слиться с фоном, но его выдавали глаза — они метались от одной камеры к другой, будто он искал в них лазейку. Рядом, чуть впереди, стоял Кай — он уже знал правила этого места. Он не смотрел в камеры, не спорил, не выделялся. Он просто был «удобным».

Сегодня занятие вела воспитательница Элара — её голос звучал мягко, почти ласково, но в этой мягкости чувствовалась сталь. На стене вспыхнул экран, и комната мгновенно наполнилась холодом, который шёл не от кондиционера, а от того, что сейчас покажут.

— Сегодня мы поговорим о важности соответствия, — произнесла Элара, и её улыбка стала чуть шире, будто она сама верила в то, что говорит. — О том, как система помогает нам не совершать ошибок. Как она бережёт нас от хаоса.

Дети молча кивнули. Кто-то — потому что верил. Кто-то — потому что боялся. Лир — потому что не знал, что ещё сделать.

На экране появился ролик. Обычный мужчина, ничем не примечательный: в простой одежде, с усталым лицом и взглядом человека, который слишком долго пытался быть хорошим. Он шёл по коридору, потом вдруг резко остановился, обернулся, будто услышал что-то, чего не слышали другие. И побежал.

Он мчался по переходам, сбивая с полок контейнеры, опрокидывая тележки, оставляя за собой хаос — единственное, что у него ещё оставалось. Камеры следовали за ним, дроны висели над головой, а он всё бежал, будто хотел вырваться не из здания, а из самой судьбы.

И вот — тупик. Стена. Никаких дверей. Только гладкая поверхность и надпись: «Доступ запрещён».

Мужчина прижался к ней лбом, закрыл глаза, а потом вдруг поднял голову и закричал. Его голос был хриплым, сорванным, но в нём звучала такая сила, что даже Лир почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Я сам решаю! — выкрикнул мужчина, и этот крик отозвался где-то внутри Лира, как эхо, которое не хотело затихать. — Я сам выбираю, куда идти! Я не ваша статистика!

Экран погас. В комнате повисла тишина — тяжёлая, густая, словно воздух стал плотнее. Дети не шевелились. Кто-то опустил глаза. Кто-то замер, будто боялся, что любое движение выдаст его мысли. Лир сжал кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Элара медленно обвела взглядом группу, её улыбка чуть дрогнула, но тут же вернулась на место — идеальная, безупречная.

— Видите, к чему приводит отказ от соответствия? — спокойно сказала она, будто только что не показывали человека, который кричал от отчаяния. — Хаос. Боль. Саморазрушение.

Система не враг. Она — опора. Она говорит нам: «Ты нужен. Ты важен. Но только если ты на своём месте».

Лир не выдержал. Слова вырвались сами, как воздух из лёгких, когда долго задерживаешь дыхание.

— А что значит «должен»? — спросил он, и его голос прозвучал громче, чем он хотел. — Почему я должен быть на «своём месте»? Кто сказал, что это моё место?

В комнате стало ещё тише. Даже камеры, казалось, замерли, прислушиваясь. Элара посмотрела на Лира не с гневом, а с чем-то похожим на жалость — и от этого ему стало ещё хуже.

— «Должен» значит «для твоего же блага», — мягко ответила она, но в её голосе не было тепла. — Система знает лучше. Она видит картину целиком. Ты — только часть её.

Кай тихо коснулся локтя Лира, будто пытался удержать его от следующего шага.

— Не надо, — прошептал он одними губами.

Но Лир уже не мог остановиться.

— А если я не хочу быть частью картины? — упрямо сказал он. — Если я хочу сам решать, что делать?

Элара вздохнула, и в этом вздохе было столько усталости, будто она слышала этот вопрос тысячу раз и знала, что ни один ответ не поможет.

— Тогда ты станешь угрозой, — просто сказала она. — Не для системы. Для себя. Для тех, кто рядом. Потому что, когда один элемент выходит из строя, страдают все.

Лир посмотрел на брата, и в его глазах читался вопрос, который он не решался задать вслух: «А если я уже сломан?»

Кай чуть заметно покачал головой, будто говоря: «Не надо. Не сейчас».

Один из детей, мальчик по имени Тоби, вдруг тихо всхлипнул. Он был из тех, кто всегда старался быть идеальным, кто первым поднимал руку, кто никогда не спорил. И сейчас его глаза наполнились слезами.

— Я не хочу быть угрозой, — прошептал он, и голос его дрожал. — Я хочу быть хорошим.

Элара тут же повернулась к нему, её лицо снова стало мягким, заботливым.

— Ты и есть хороший, — сказала она, опускаясь на корточки, чтобы быть на одном уровне с мальчиком. — Ты просто немного испугался. Это нормально. Система поможет тебе успокоиться.

Она коснулась панели на стене, и экраны тут же сменили контент: теперь там крутили мягкие, успокаивающие кадры — медленно падающие листья, тихий дождь, волны, накатывающие на берег. Алгоритм работал мгновенно: страх ребёнка был зафиксирован, проанализирован, и ему тут же выдали «лекарство» — дозу визуального спокойствия.

Тоби смотрел на экран, и его плечи постепенно опускались, дыхание становилось ровнее. Он верил, что это поможет. Что всё будет хорошо.

Лир отвернулся. Ему не хотелось видеть, как страх стирают, как эмоции превращают в статистику.

— Можно выйти? — вдруг спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

Элара на секунду замерла, будто проверяя, не является ли это попыткой бунта. Потом кивнула.

— Конечно. В коридоре есть зона релаксации. Посиди там, пока не почувствуешь себя лучше.

Лир вышел, не оглядываясь. Дверь за ним закрылась с тихим шипением, и на мгновение он почувствовал себя свободным — пока не увидел, что в коридоре тоже есть камеры. Они смотрели на него, как молчаливые стражи, напоминая: ты никуда не ушёл. Ты всё ещё здесь.

Он прижался спиной к стене, закрыл глаза и попытался унять дрожь в руках. Но перед глазами всё ещё стоял тот мужчина из ролика. Его крик: «Я сам решаю!»

— Ты в порядке?

Лир вздрогнул. Рядом стоял Кай. Он вышел следом, не спрашивая разрешения, просто потому что знал: брат сейчас не должен быть один.

— Нет, — честно признался Лир. — Я не в порядке. Я не понимаю... Почему они хотят, чтобы мы просто соглашались? Почему нельзя хотеть большего?

Кай сел на пол, подтянув колени к груди, и посмотрел на брата так, будто видел в нём что-то, чего не видели другие.

— Потому что, если все начнут хотеть большего, — тихо сказал он, — система сломается. А они боятся этого больше всего.

— А ты? — спросил Лир. — Ты боишься?

Кай помолчал, подбирая слова.

— Я боюсь другого, — наконец произнёс он. — Боюсь, что однажды проснусь и пойму, что у меня вообще не было выбора. Что все мои «решения» были просто вариантами, которые система мне подбросила.

Лир сел рядом, и они сидели так, плечом к плечу, в коридоре, где стены шептали о послушании, а камеры следили за каждым вздохом.

— Значит, мы должны сами создавать варианты, — твёрдо сказал Лир, и в его голосе звучала решимость, которая ещё вчера казалась невозможной. — Даже если их не будет в списке.

Кай посмотрел на него и впервые за долгое время улыбнулся — не той вымученной улыбкой, которой учили в блоке, а настоящей, искренней.

— Тогда начнём с малого, — прошептал он. — С того, что никто не сможет у нас забрать.

— С чего?

— С памяти. С историй. С того, что мы расскажем друг другу, когда экраны погаснут.

Лир кивнул. И в этот момент он понял: возможно, свобода начинается не с побега. Возможно, она начинается с одного-единственного вопроса: «А что, если я сам решу?»

И пусть система считала, что знает всё наперёд. Пусть метки предсказывали судьбы, а алгоритмы подстраивали мир под нужные реакции. Где-то в глубине души Лир знал: есть вещи, которые нельзя просчитать. Нельзя предсказать. Нельзя контролировать.

Такие, как упрямство. Как верность. Как желание быть не просто частью системы — а человеком, который сам выбирает, кем ему быть.

Ночь в капсульной квартире пахла иначе, чем днём. Днём здесь витал запах стерильности и синтетики, будто мир старательно пытался убедить всех, что в нём нет места ни боли, ни страху, ни настоящей жизни. А ночью проступало другое: запах старого текстиля, едва уловимый аромат маминых духов, который она почти не носила, и та самая тишина, в которой слова становились громче крика.

Лир лежал на узкой кровати, укрывшись до подбородка, и смотрел в потолок, где мерцали слабые отсветы уличных экранов — они проникали сквозь светофильтры, рисуя на стенах призрачные узоры. Он старался не шевелиться, чтобы не выдать, что не спит. Родители думали, что дети видят спокойные, рекомендованные системой сны. Но Лир не спал. И, кажется, не спал Кай.

Из родительской комнаты доносился шёпот — такой тихий, что разобрать слова можно было только если лежать, затаив дыхание, и ловить каждую паузу.

— Если он не выполнит пророчество, система может забрать его, — прошептал отец, и в этом «забрать» звучало что-то гораздо страшнее, чем просто «увезти».

— Мы не позволим, — тихо, но твёрдо ответила мама, и Лир почувствовал, как внутри всё сжимается от страха за брата.

Кай лежал рядом, его дыхание было почти неслышным, но Лир знал: он тоже всё слышал.

Когда родители наконец затихли, Кай медленно сел, спустил ноги на пол и бесшумно подошёл к шкафу. Он достал маленькую аптечку, которую мама держала для бытовых мелочей: пластыри, антисептик, бинт. Но Кай искал не это. Он вытащил пузырёк с жидкостью, на этикетке которой было написано «раствор для очистки контактов», но на деле

это была слабая кислота — её использовали, чтобы снимать окисление с разъёмов старых устройств, которые ещё хранились в дальних ящиках, как напоминание о времени, когда мир не был таким идеальным.

Лир приподнялся на локте.

— Что ты делаешь? — прошептал он, чувствуя, как страх сковывает горло.

Кай не ответил. Он сел на пол, поднёс пузырёк к шее, туда, где под кожей прятался микро имплант — его метка. Лир вдруг понял, что собирается сделать брат, и сердце заколотилось так сильно, что, казалось, его услышат даже камеры в коридоре.

— Нет! — выдохнул он, сползая с кровати и хватая Кая за руку. — Не надо!

Кай посмотрел на него, и в его глазах была такая решимость, смешанная с отчаянием, что Лир на мгновение замер.

— Я не хочу, чтобы меня «забрали», — тихо, но чётко произнёс Кай. — Если я сотру метку, система перестанет видеть моё пророчество. Может, тогда она просто... забудет про меня.

— Она не забудет! — в голосе Лира прорвалась паника. — Она всё видит! Камеры, считыватели, дроны... Ты думаешь, она просто так отпустит того, у кого есть пророчество?

Кай сжал пузырёк так сильно, что пальцы побелели.

— А что мне делать? Ждать, пока меня заберут, потому что я не справлюсь с тем, что они мне предназначали?

Лир не знал, что ответить. Он смотрел на брата, на его тонкую шею, на едва заметный контур метки под кожей, и понимал: Кай готов рискнуть всем, лишь бы не стать частью этого плана.

— Давай я сделаю это, — вдруг сказал Лир, и сам удивился своей смелости. — У меня нет метки. Если что-то пойдёт не так, накажут меня.

Кай горько усмехнулся.

— Тебя накажут просто за то, что ты существуешь без метки. Ты уже «нестабильный». А я... я хотя бы знаю, что должен делать. Проблема в том, что я не хочу этого делать.

Он отвернулся, открыл пузырёк и капнул немного жидкости на палец. Лир зажмурился, будто это могло защитить его от того, что сейчас произойдёт.

— Пожалуйста, не надо, — снова прошептал он.

Но Кай уже коснулся шеи.

Сначала ничего не произошло. Только лёгкое жжение, которое Кай едва заметно поморщился. Потом кожа покраснела, потом начала пузыриться, и запах стал резким, неприятным, химическим. Лир почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Больно, — прошептал Кай, но не отдернул руку. Он стиснул зубы, его глаза наполнились слезами, но он продолжал держать палец на шее, будто хотел выжечь метку до самого основания.

Лир схватил полотенце и прижал его к шее брата, пытаясь остановить это безумие.

— Хватит! Хватит! Ты же себя калечишь!

Кай откинулся назад, прижимая руку к шее, его лицо исказилось от боли. На коже остался красный след, который уже начинал превращаться в шрам. Но метка... метка никуда не исчезла. Микро имплант под кожей остался на месте, невидимый, но живой, всё так же синхронизирующийся с городскими считывателями, всё так же передающий данные о том, кто он, где он и что должен делать.

— Не получилось, — прошептал Кай, и в этом «не получилось» было столько отчаяния, что Лиру захотелось закричать.

В коридоре раздался тихий гул — знакомый звук, который означал, что дрон-инспектор получил сигнал тревоги. Система зафиксировала «попытку вмешательства в работу микроимпланта».

Лир замер, чувствуя, как холод пробирается под кожу.

— Они знают, — прошептал он, и это слово повисло в воздухе, как приговор.

Дверь в квартиру открылась без стука. В проёме появился дрон, его объектив медленно повернулся, сканируя комнату, фиксируя каждую деталь: пузырьёк с кислотой на полу, полотенце с каплями крови, перепуганные лица мальчиков, шрам на шее Кая.

За дроном вошёл инспектор — человек в сером костюме, с лицом, лишённым эмоций, будто он уже давно научился отключать в себе всё, что могло помешать выполнять приказы.

— Семья под номером 34789, уровень соответствия снижен до критического, — произнёс он ровным, безжизненным голосом. — Зафиксирована попытка несанкционированного вмешательства в работу системы идентификации. Семья ставится на учёт. Будут проведены дополнительные проверки.

Мама выбежала из спальни, её волосы были растрёпаны, глаза расширены от ужаса.

— Это была случайность! — воскликнула она, бросаясь к инспектору. — Дети играли... Они не понимали, что делают!

Инспектор посмотрел на неё, и в его взгляде не было ни сочувствия, ни понимания.

— Система не различает случайности, — спокойно ответил он. — Она различает только факты. Факт: была попытка удалить метку. Факт: семья не обеспечила должный контроль. Факт: уровень угрозы повышен.

Отец вышел следом, его лицо было бледным, но спокойным — таким спокойным, что становилось ещё страшнее.

— Мы сделаем всё, что нужно, — тихо сказал он, и в этих словах звучала не надежда, а капитуляция.

Инспектор кивнул, будто именно этого и ждал.

— Хорошо. Завтра утром вы пройдёте процедуру коррекции поведения. Детям будет назначен дополнительный курс адаптации. А метку Кая проверят в лаборатории.

С этими словами он развернулся и вышел, за ним последовал дрон, оставив после себя только гул и ощущение, что стены стали ближе, а воздух — тяжелее.

Мама опустилась на колени рядом с Каем, осторожно коснулась его шеи, стараясь не причинить боль.

— Прости, — прошептала она, и её голос дрожал. — Прости, что не смогла защитить тебя.

Кай закрыл глаза, будто хотел спрятаться от всего мира.

— Это не твоя вина, — тихо сказал он, но даже он сам, кажется, не верил в эти слова.

Лир стоял в стороне, чувствуя себя беспомощным. Он смотрел на шрам на шее брата, на пузырьёк с кислотой, который теперь казался ему не инструментом спасения, а орудием разрушения, и понимал: они проиграли ещё до того, как начали бороться.

Отец подошёл к окну, посмотрел на город, который сверкал неоном, будто насмехаясь над их попытками быть свободными.

— Мы справимся, — тихо произнёс он, скорее для себя, чем для остальных. — Мы найдём способ.

Но Лир слышал в этих словах не уверенность, а страх. Страх перед тем, что система действительно может забрать того, кто не выполняет своё пророчество.

Ночью, когда все наконец уснули, Лир снова лежал без сна. Он смотрел на потолок, на мерцающие отсветы экранов, и думал о том, что метка — это не просто кусок металла под

кожей. Это цепь, которая держит тебя на месте. И если даже кислота не может её разорвать, значит, нужно искать другой способ.

Он тихо встал, подошёл к шкафу и достал старый блокнот, который мама иногда использовала для записей, прежде чем система начала делать всё за неё. Взял карандаш и начал писать. Не для того, чтобы оставить послание. А для того, чтобы доказать себе: есть вещи, которые система не может контролировать. Мысли. Чувства. Воспоминания.

«Сегодня Кай пытался стереть свою метку, — написал он, выводя буквы так аккуратно, будто от этого зависела их жизнь. — Он думал, что, если исчезнет пророчество, исчезнет и угроза. Но система умнее. Она не просто видит метки. Она видит нас».

Он закрыл блокнот и спрятал его под матрас. И в этот момент понял: возможно, их единственное оружие против системы — это правда. Даже если она написана карандашом в старом блокноте. Даже если её никто не увидит. Даже если за неё могут наказать.

Потому что, пока они помнят, кто они, система не сможет полностью стереть их свободу.

Глава 3. «Правда в темноте»

Утро началось не с привычного «рекомендованного» пробуждения — мягкого света, который медленно заливал комнату, и тихой музыки, призванной настроить на «продуктивный лад». Вместо этого квартиру наполнил резкий, механический голос:

— Внимание. Уровень соответствия семьи 34789 снижен до критического. Назначена внеплановая проверка. Ожидайте инспектора.

Лир вздрогнул и резко сел на кровати. Сердце колотилось где-то в горле, а в голове стучала одна мысль: «Они пришли за Каем».

Кай лежал рядом, сжавшись в комок, его лицо было бледным, а на шее, там, где остался шрам, кожа казалась натянутой, будто сама память о вчерашнем жжении не давала ей расслабиться.

Мама уже была на ногах. Она быстро, но без суеты собирала вещи: чистые рубашки, документы, какие-то старые бумаги, которые хранила в отдельной папке «на всякий случай». Её движения были резкими, но точными — так двигаются люди, которые слишком хорошо знают, как выглядит беда, когда она приходит по расписанию.

Отец стоял у окна. Он не смотрел на улицу — он смотрел сквозь неё, будто пытался разглядеть там что-то, чего не было видно никому другому.

— Пап, — тихо позвал Лир, подходя к нему. — Пап, они же не заберут Кая? Правда?

Отец медленно повернул голову. В его глазах Лир увидел то, чего никогда раньше не замечал: не усталость, не напряжение, а глубокую, выжженную временем вину.

— Я не знаю, — честно ответил отец, и это «не знаю» прозвучало страшнее любого обещания.

Мама резко обернулась.

— Не пугай его, — сказала она, и в её голосе было столько стальной твёрдости, что даже система, казалось, могла бы отступить. — Мы справимся. Мы всё объясним.

Но Лир видел: она сама не верила в эти слова.

В дверь постучали. Не вежливо, не осторожно — требовательно, так стучат те, кто знает, что ты не имеешь права не открыть.

Инспектор вошёл первым. За ним — два дрона-фиксатора, их объективы мерцали, записывая каждое движение, каждый вдох.

— Семья 34789. «Проверка уровня соответствия и состояния микро имплантов», — произнёс инспектор, не глядя на них, будто они были не людьми, а строками в отчёте. — Предъявите документы и пройдите сканирование.

Мама протянула папку с документами, её пальцы слегка дрожали, но голос звучал твёрдо:

— Мои дети не преступники. Они просто... испугались.

Инспектор мельком взглянул на бумаги, потом на Кая, на его шею, на едва заметный шрам.

— Испуг не является оправданием для вмешательства в работу системы, — холодно ответил он. — Микро имплант подлежит диагностике. Ребёнок будет доставлен в лабораторию для проверки целостности протокола.

Кай побледнел ещё сильнее, его глаза расширились от ужаса.

— Нет, — прошептал он, прижимаясь к Лиру. — Я не хочу. Я больше не буду. Честно.

Лир обнял брата, чувствуя, как его трясёт.

— Он же ребёнок! — голос мамы сорвался, но она тут же взяла себя в руки, будто знала: эмоции — это слабость, которую система использует против тебя. — Пожалуйста, дайте нам шанс всё исправить.

Инспектор на секунду замер, будто сверялся с каким-то внутренним алгоритмом, который решал, сколько сочувствия он может себе позволить.

— Шанс даётся только тем, кто доказывает свою лояльность, — наконец произнёс он. — Лабораторная проверка обязательна.

Отец шагнул вперёд. Впервые за долгое время в его движениях не было покорности.

— Я пойду с ним, — твёрдо сказал он. — Я не оставлю сына одного в этой... машине.

Инспектор чуть приподнял бровь, будто удивлён тому, что кто-то ещё способен на такую дерзость.

— Сопровождающий допускается, — после паузы ответил он. — Но уровень соответствия семьи будет пересчитан с учётом этого «проявления эмоциональной привязанности».

Мама хотела что-то сказать, но отец коснулся её руки — лёгким, почти незаметным движением, которое говорило: «Я должен».

— Мы вернёмся, — пообещал он, глядя на жену, а потом перевёл взгляд на сыновей. — Обещаю.

Они ушли. Дроны плыли рядом с Каем, фиксируя каждый его шаг, каждый вздох. Дверь закрылась, и квартира вдруг стала слишком большой и слишком пустой.

Лир сел на пол, прижав колени к груди, и почувствовал, как внутри разрастается пустота — холодная, острая, похожая на лезвие.

— Почему они так с нами? — прошептал он, не обращаясь ни к кому конкретно.

Мама опустилась рядом с ним, обняла его, прижала к себе. От неё пахло домом — тёплым, живым, тем, что система не могла скопировать.

— Потому что для них мы — не люди, — тихо сказала она. — Мы — элементы системы. И если элемент начинает вести себя непредсказуемо, его убирают или чинят.

Лир уткнулся ей в плечо, но не заплакал. Он был слишком зол, чтобы плакать.

— А папа... он правда сможет защитить Кая?

Мама помолчала, подбирая слова, которые не были бы ложью, но и не ломали бы последнюю надежду.

— Твой папа очень сильный, — наконец произнесла она. — Но даже самые сильные иногда устают бороться.

Эти слова застряли в голове Лира, как заноза.

Когда мама ушла готовить «успокаивающий» чай — такой, какой система рекомендовала пить в стрессовых ситуациях, — Лир остался один. Он подошёл к окну, посмотрел на город, который казался бесконечным лабиринтом из стекла и неона. Где-то там, среди этих огней, был Кай. И где-то там была система, которая хотела забрать его, потому что он не вписывался в её планы.

Он слышал шаги за спиной. Отец вернулся. Один. Без Кая.

Лир резко обернулся, чувствуя, как сердце падает куда-то вниз.

— Где Кай? — выдохнул он, уже зная ответ, но надеясь, что ошибся.

Отец сел на край кровати, опустил голову, и вдруг Лир увидел, каким старым он выглядит. Не по годам — по тому, сколько всего он нёс на себе и молчал об этом.

— Его оставили на обследование, — тихо сказал отец. — Сказали, что это ненадолго. Но я... я не верю им.

Лир сжал кулаки, чувствуя, как гнев поднимается изнутри, горячий и обжигающий.

— Ты должен был не пустить их! — выкрикнул он, и его голос эхом отразился от стен, заставив даже экраны на мгновение приглушить яркость, будто испугавшись этой вспышки эмоций. — Ты же папа! Ты должен защищать нас!

Отец поднял голову. В его глазах стояли слёзы, но он не позволил им пролиться.

— Ты думаешь, я не пытался? — тихо, но твёрдо спросил он. — Ты думаешь, мне было легко стоять там и смотреть, как уводят моего сына, зная, что, если я сделаю хоть одно резкое движение, меня обездвигат дроны, а вас с мамой отправят на «переобучение»?

Лир замер, не зная, что ответить. Он видел, как дрожат руки отца, как он пытается удерживать себя в рамках, которые сама система ему и навязала.

— Прости, — прошептал Лир, но это «прости» было не за крик, а за то, что он не понимал, насколько тяжело быть взрослым в этом мире.

Отец глубоко вздохнул, будто собирался с силами, чтобы сказать что-то очень важное.

— Когда-то я тоже хотел сломать систему, — признался он, и эти слова прозвучали как исповедь, как признание в самом страшном грехе. — Мне было столько же, сколько тебе сейчас. Я думал, что достаточно быть смелым, достаточно громко кричать, чтобы стены рухнули. Я нашёл группу тех, кто тоже не хотел подчиняться. Мы планировали... не знаю, что мы планировали. Что-то большое. Что-то важное.

Лир слушал, затаив дыхание, боясь спугнуть эту редкую, почти исчезнувшую правду.

— И что случилось? — прошептал он.

Отец горько усмехнулся.

— Случился страх, — просто ответил он. — Один из наших... его забрали. Просто посреди улицы. Дроны окружили, камеры записали каждый его крик, а потом он просто исчез. И я понял: система не играет по правилам. Она не спорит. Она стирает. И я испугался. Я ушёл. Сказал себе, что спасу себя, чтобы потом спасти кого-то ещё. Но потом появились вы с Каем. И я решил: пусть лучше вы будете жить в этом мире, чем я буду героем, которого нет рядом, когда вы проснётесь ночью от кошмара.

Лир смотрел на отца и видел перед собой не строгого взрослого, который всегда знал, что делать, а человека, который когда-то был таким же, как он, — полным надежд и страха, который выбрал не борьбу, а выживание.

— Значит, ты сдался, — тихо произнёс Лир, и в этих словах не было осуждения, только горькое понимание.

— Я выбрал вас, — поправил отец, глядя ему прямо в глаза. — Это не одно и то же.

Лир отвернулся, потому что не знал, как совместить в себе эти две правды: что отец — герой, потому что защищал семью, и что он — тот, кто когда-то испугался и не дошёл до конца.

— А если я тоже испугаюсь? — вдруг спросил Лир, и этот вопрос вырвался сам, обнажая самый глубокий, самый тёмный страх. — Вдруг я буду думать, что делаю что-то важное, а потом... просто остановлюсь? Как ты?

Отец встал, подошёл к сыну, положил руку ему на плечо. Его пальцы были тёплыми, живыми, не похожими на холодные прикосновения системы.

— Страх — это нормально, — тихо сказал он. — Он есть у всех. Герой — не тот, кто не боится. Герой — тот, кто делает шаг вперёд, даже когда колени дрожат. И если в какой-то момент ты почувствуешь, что не можешь идти дальше... знай, что рядом всегда будет кто-то, кто поможет тебе встать. Как я надеюсь, что вы с мамой поможете мне сейчас.

Лир кивнул, не доверяя своему голосу. Он смотрел на отца и понимал: возможно, их сила не в том, чтобы быть неуязвимыми, а в том, что они есть друг у друга.

За окном город продолжал мерцать неонами, экраны крутили свои бесконечные ролики, дроны скользили между небоскрёбами, а система продолжала считать, измерять и предсказывать. Но в этой маленькой капсульной квартире, среди тишины и страха, рождалось что-то, что она не могла просчитать: семья, которая решила держаться вместе, даже если весь мир хотел их разделить.

И в этот момент Лир понял: возможно, первый шаг к свободе — это не громкий крик и не разрушение стен. Возможно, это тихий разговор в темноте, где правда звучит громче любых алгоритмов.

Школьный блок № 12 напоминал не место для обучения, а пункт сортировки: одинаковые серые парты, экраны вместо окон, камеры в каждом углу и тишина, в которой слышно, как щёлкают реле в стенах. Здесь не учили думать — здесь учили соответствовать. И главным инструментом этого обучения была процедура «распределения ролей», которую все дети ждали с одинаковым чувством: смесью любопытства и страха.

Сегодня был день распределения для группы Кая и Лира. В актовом зале пахло озоном и искусственной свежестью — так всегда пахло там, где система старалась скрыть напряжение за стерильным ароматом. Дети сидели ровными рядами, будто заранее знали: любое лишнее движение будет замечено, проанализировано и учтено.

На сцене стояла куратор распределения — женщина с лицом, на котором улыбка выглядела как приклеенная деталь. Её голос, усиленный динамиками, звучал слишком бодро, чтобы быть искренним.

— Сегодня мы узнаем, какой вклад каждый из вас внесёт в стабильность нашего общества, — говорила она, медленно прохаживаясь между рядами. — Это не оценка. Это признание ваших сильных сторон. Система видит в вас то, что вы сами ещё не осознаёте.

Лир сидел, сжав кулаки под партой. Он старался не смотреть на камеры, но чувствовал их взгляды, холодные и бесстрастные, как взгляд хищника, который ещё не решил, нападать или подождать. Рядом, чуть впереди, сидел Кай — он смотрел прямо перед собой, будто пытался удержать себя в рамках, которые сама система ему и навязала.

Куратор коснулась панели на сцене, и огромный экран вспыхнул, выводя список имён. Каждое имя сопровождалось короткой характеристикой — тем самым «ярлыком», который должен был определить будущее ребёнка.

— Кай, группа 3, — произнесла куратор, и на экране напротив его имени появилась надпись: «Ответственный исполнитель».

Кай едва заметно вздрогнул, но тут же взял себя в руки. Лир видел, как брат сжал пальцы, как будто пытался удержать внутри себя ту часть себя, которая хотела закричать: «Я не хочу быть просто исполнителем!» Но он не закричал. Он просто кивнул, будто принимая приговор.

— Лир, группа 7, — продолжила куратор, и её голос на секунду стал чуть тише, будто она сама чувствовала, что сейчас скажет что-то неправильное.

На экране напротив имени Лира вспыхнула другая надпись: «Потенциальный риск». Ниже, мелким шрифтом, шло уточнение: «Склонен к девиациям. Требуется усиленный мониторинг».

В зале повисла тишина. Не та тишина, которая бывает перед чем-то хорошим, а та, которая наступает после удара. Дети переглядывались, кто-то отводил глаза, кто-то смотрел на Лира с любопытством, смешанным со страхом — будто он вдруг стал чем-то заразным.

Лир почувствовал, как кровь приливает к лицу, а в груди разрастается пустота — холодная, острая, похожая на лезвие. Он хотел встать, закричать: «Это неправда! Я не риск! Я про-

сто... я просто хочу понимать, почему всё устроено именно так!» Но он не сделал этого. Он просто сидел, чувствуя, как под кожей горит клеймо, которое система только что на него поставила.

Куратор снова улыбнулась, будто ничего не произошло.

— Это не приговор, — спокойно произнесла она, хотя слова её звучали как приговор. — Это возможность. Возможность для нас помочь вам стать лучше. Для тех, кто отмечен как «потенциальный риск», у нас есть специальные программы адаптации. Они помогут вам найти своё место в системе.

Один из мальчиков, Тоби — тот самый, который плакал после ролика о бунтаре, — тихо прошептал, наклонившись к Лиру:

— Не переживай. Может, это ошибка.

Лир посмотрел на него и увидел в его глазах не столько сочувствие, сколько страх: страх, что, если система ошиблась с Лиром, она может ошибиться и с ним.

— Спасибо, — тихо ответил Лир, хотя знал: это не ошибка. Система не ошибалась. Она просто видела в нём то, чего боялась.

После церемонии детей развели по разным группам. Кая отправили в блок «ответственных исполнителей» — туда, где учили дисциплине, точности и умению следовать инструкциям без лишних вопросов. Лира — в блок «адаптации», где за каждым его движением следили чуть пристальнее, где каждое слово анализировали, а каждую эмоцию старались сгладить.

В коридоре Лир на мгновение увидел Кая — брат обернулся, поймал его взгляд и чуть заметно покачал головой, будто говоря: «Не спорь. Не сейчас». Потом его увели, и Лир остался один на один с коридором, который казался бесконечным, и с камерами, которые следили за каждым его шагом.

В блоке адаптации его встретила наставница — женщина с холодными глазами и голосом, который звучал так, будто она читала инструкцию, а не разговаривала с ребёнком.

— Ты у нас «потенциальный риск», — спокойно сказала она, глядя на планшет, где горели строки его профиля. — Это значит, что ты можешь стать угрозой стабильности. Но мы не будем ждать, пока это случится. Мы поможем тебе стать безопасным.

Лир сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева.

— Я не угроза, — твёрдо произнёс он, глядя ей прямо в глаза. — Я просто... не понимаю, почему всё должно быть именно так.

Наставница чуть приподняла бровь, будто услышала что-то забавное.

— Понимание не входит в список необходимых навыков, — холодно ответила она. — В список входит послушание, предсказуемость и лояльность. Если ты научишься этим трём вещам, ты перестанешь быть «риском».

Лир хотел возразить, но вовремя остановился. Он вспомнил слова отца: «Герой — не тот, кто не боится. Герой — тот, кто делает шаг вперёд, даже когда колени дрожат». И он сделал этот шаг. Не громкий, не героический, но свой: он просто кивнул и сказал:

— Я постараюсь.

Наставница снова взглянула на планшет, потом на него, будто проверяя, не является ли это «постараюсь» попыткой обмана. Потом кивнула.

— Хорошо. Начнём с основ. Сегодня ты пройдёшь курс «Эмоциональная регуляция». Он научит тебя контролировать свои реакции. Потому что в нашем обществе эмоции — это роскошь, которую могут позволить себе только те, кто не влияет на стабильность системы.

Она повела его по коридору, мимо дверей с номерами, мимо камер, мимо детей, которые смотрели на него с любопытством и страхом. И вдруг Лир понял: быть «потенциальным риском» — значит быть изгоем. Не потому, что он сделал что-то плохое, а потому, что система боялась того, кем он мог стать.

Вечером, когда детей наконец отпустили в спальный блок, Лир нашёл Кая. Брат сидел на краю кровати, смотрел в стену и будто пытался запомнить каждую её трещину, каждый скол, каждую деталь этого стерильного мира.

— Привет, — тихо сказал Лир, садясь рядом.

Кай поднял глаза, и в них Лир увидел ту же усталость, которую чувствовал сам.

— Привет. Как твой день?

Лир горько усмехнулся.

— Меня официально признали угрозой. Ну, почти. «Потенциальный риск». Звучит как диагноз.

Кай вздохнул, будто эти слова подтвердили то, о чём он давно догадывался.

— А меня сделали «исполнителем», — тихо произнёс он. — Сказали, что у меня высокий уровень предсказуемости. Что я буду хорошо справляться с рутинными задачами.

Лир посмотрел на брата и вдруг понял: их разделили не случайно. Система знала, что они сильнее вместе. И поэтому она старалась сделать так, чтобы они перестали быть братьями и стали просто номерами в её отчётах.

— Они хотят, чтобы мы стали удобными, — прошептал Лир, и эти слова прозвучали как откровение. — Чтобы я боялся задавать вопросы, а ты — просто делал, что скажут.

Кай кивнул, будто это было самое очевидное на свете.

— Да. Но знаешь, что самое страшное? — тихо спросил он. — Что со временем мы сами начнём верить, что это правильно. Что быть удобным — это и есть быть хорошим.

Лир отвернулся, потому что не хотел, чтобы брат видел, как в его глазах стоят слёзы. Он не плакал. Он просто злился. На систему, на мир, на то, что им приходилось учиться быть не собой, а кем-то, кого система готова была принять.

— Я не хочу становиться удобным, — твёрдо сказал он, глядя Каю прямо в глаза.

Кай чуть заметно улыбнулся — не той вымученной улыбкой, которой их учили в блоке, а настоящей, искренней.

— Тогда не становись, — просто ответил он. — Даже если они будут называть тебя «риском». Даже если будут следить за каждым твоим шагом. Помни: риск — это не всегда плохо. Иногда это значит, что ты ещё не сдался.

Лир кивнул. И в этот момент он понял: возможно, их единственное оружие против системы — это их связь. Их братство. Их способность помнить, кто они, даже когда весь мир старается заставить их забыть.

За окном город продолжал мерцать неонами, экраны крутили свои бесконечные ролики, дроны скользили между небоскрёбами, а система продолжала считать, измерять и предсказывать. Но в этом маленьком спальном блоке, среди тишины и усталости, рождалось что-то, что она не могла просчитать: два мальчика, которые решили, что никто не имеет права решать за них, кем им быть.

И пусть сегодня Лир был «потенциальным риском». Пусть завтра система попытается стереть эту искру непокорности. Где-то в глубине души он знал: пока он помнит, кто он, и пока рядом есть Кай, система не сможет полностью победить.

Потому что свобода начинается не с громкого крика. Она начинается с тихого «я не сдамся», сказанного в темноте, когда никто не слышит. Но ты слышишь сам. И этого достаточно.

Глава 4. «Первая стычка с законом»

В школьном блоке № 12 утро начиналось по расписанию: ровно в 06:00 стены вспыхивали рекомендованными роликами о дисциплине, а система мягко, но настойчиво подталкивала детей к «правильному» распорядку. Сегодня этот привычный ритм был нарушен не шумом и не криками — а тишиной, в которой слова звучали громче любого крика.

Лир проснулся раньше обычного. Он не мог спать: в голове крутились слова куратора, ярлык «потенциальный риск», холодные взгляды наставников — и ещё одно, самое важное: вчера система приняла решение о перераспределении его одноклассницы Миры.

Мира была тихой, но не покорной. Она не спорила вслух, но её глаза говорили больше, чем любые слова: она замечала, когда камеры «задумывались», когда алгоритмы подстраивали маршруты, когда слова «ты должен» звучали как приговор. И теперь система решила, что Мира — «недостаточно стабильная»: её собирались «перераспределить» в другой город, где, как шептались дети, «адаптация» проходила строже, а вопросы не поощрялись.

Лир знал: если Миру увезут, она исчезнет. Не просто уедет — её профиль перепишут, воспоминания сгладят, эмоции подавят. И никто не будет задавать вопросов, потому что система скажет: «Так лучше для всех».

Он не мог этого допустить.

Коридор был пуст, будто сам воздух замер в ожидании. Лир прижался к стене, стараясь слиться с фоном, и посмотрел на камеру в углу. Её объектив чуть подрагивал, будто прислушивался к тишине.

Он знал, что у него есть всего 17 секунд.

Каждые четыре часа система обновляла прошивку камер — короткая, почти незаметная процедура, во время которой считыватели теряли часть данных, а «слепые зоны» становились реальностью. Лир подслушал этот разговор между техниками в подсобке, запомнил время, расписание, даже тон их голосов — скучный, равнодушный, будто речь шла не о жизнях детей, а о настройке освещения.

07:48. Обновление должно было начаться через две минуты.

Лир скользнул к служебному терминалу у входа в административный блок. Терминал был старым, с потрёпанной панелью и тусклым экраном — такие ставили ещё до того, как система полностью взяла контроль над школьными процессами. Он знал, что этот терминал не синхронизировался с основным сервером каждую секунду: у него был свой, более медленный цикл обновления. Это был его шанс.

Пальцы дрожали, но он не позволял себе думать о том, что будет, если его поймают. Он думал только о Мире. О её глазах, в которых читалось: «Я не хочу исчезать».

Он ввёл короткую последовательность команд — ту, которую подсмотрел у техника, когда тот вводил данные о новом расписании. Терминал моргнул, будто сопротивляясь, а потом выдал окно доступа.

— Давай, — прошептал Лир, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Давай.

На экране появился профиль Миры: имя, возраст, уровень соответствия, «рекомендованное» место перераспределения — город-спутник № 3, блок «повышенной адаптации». Рядом горела кнопка «Подтвердить перемещение».

Лир замер. Он знал: если он нажмёт «отменить», система зафиксирует несанкционированный доступ. Если не нажмёт — Миру увезут.

Он выбрал первое.

Пальцы ударили по клавишам. Терминал снова моргнул, и на экране появилась надпись: «Запрос на отмену перераспределения. Ожидание подтверждения».

И в этот момент камеры должны были перезагрузиться.

17 секунд.

Лир отступил от терминала, прижался к стене и закрыл глаза. Он считал про себя: «Один... два... три...»

В коридоре раздался тихий гул — тот самый звук, который означал, что считыватели временно «ослепли». Лир открыл глаза и увидел, как объектив камеры в углу замер, потом медленно потух, будто уснул.

Это были его 17 секунд свободы.

Но он не успел уйти.

Из-за угла вышел патрульный дрон — не обычный школьный фиксатор, а настоящий страж порядка: с усиленной бронёй, сканерами и холодным взглядом объектива. Он завис в воздухе, сканируя пространство, и вдруг его сенсоры щёлкнули, фокусируясь на Лире.

— Обнаружен несанкционированный доступ к административному терминалу, — произнёс дрон ровным, безэмоциональным голосом. — Оставайтесь на месте. При попытке бегства будет применена ограничительная мера.

Лир замер, чувствуя, как холод пробирается под кожу. Он знал, что «ограничительная мера» — это не просто предупреждение. Это значит, что дроны обездвигают его, камеры зафиксировывают каждый вдох, а система запишет это как «подтверждение девиантного поведения».

— Я... я просто хотел посмотреть расписание, — выдохнул он, хотя знал: система не верила в оправдания.

Дрон не ответил. Он просто завис, ожидая подкрепления.

Через несколько секунд из-за угла появились двое инспекторов — в серой униформе, с лицами, лишёнными эмоций. Один из них подошёл к терминалу, быстро просмотрел логи, потом посмотрел на Лира так, будто видел не мальчика, а строку в отчёте.

— Попытка вмешательства в работу системы распределения, — спокойно произнёс он. — Ты понимаешь, что это серьёзное нарушение?

Лир сжал кулаки, чувствуя, как внутри поднимается волна гнева и страха.

— Она не должна уезжать! — выкрикнул он, и его голос эхом отразился от стен. — Мира ничего плохого не сделала! Почему вы просто решаете, куда её отправить?

Инспекторы переглянулись, будто не знали, как реагировать на этот всплеск эмоций. Для них Лир был не ребёнком, а «потенциальным риском», который нужно было нейтрализовать.

— Решения системы не обсуждаются, — холодно ответил один из них. — Ты задержан за несанкционированный доступ. Тебя доставят в центр временного содержания для проведения процедуры коррекции поведения.

Они шагнули к нему, протягивая руки в специальных перчатках — тех самых, которые блокировали любые попытки сопротивления.

Лир попятился, чувствуя, как паника сжимает горло. Он думал о Мире, о родителях, о Кае — и понимал, что сейчас его уводят, и никто не сможет ему помочь.

Но вдруг из-за другого угла появился Кай.

Он шёл спокойно, ровно, не спеша, будто не видел ни дронов, ни инспекторов, ни брата, которого собирались увести. На его лице было то самое выражение «ответственного исполнителя» — спокойное, покорное, безупречное.

— Простите, что прерываю, — тихо, но чётко произнёс он, подходя ближе. — Я могу помочь?

Инспекторы на секунду замерли, будто не ожидали, что кто-то ещё вмешается.

— Это не твоё дело, мальчик, — ответил один из них, не глядя на Кая. — У нас задержание.

Кай не отступил. Он посмотрел на инспектора прямо, без страха, но и без вызова — так, как учили «ответственных исполнителей»: спокойно, уверенно, предсказуемо.

— Возможно, вы не заметили, — так же спокойно продолжил он. — Но я — группа 3. «Ответственный исполнитель». У меня есть доступ к базовым протоколам школьного блока. Если у вас проблема с терминалом, я могу проверить логи и подтвердить, что доступ был санкционирован.

Инспектор нахмурился, будто пытаясь понять, не является ли это попыткой обмана. Но система не лгала. Профиль Кая был безупречен: высокий уровень соответствия, никаких отклонений, никаких «рисков». Он был тем, кого система считала «безопасным».

— У тебя есть доступ? — переспросил инспектор, и в его голосе прозвучало что-то похожее на сомнение.

Кай кивнул.

— Да. Я проходил курс по работе с административными интерфейсами. Могу показать. Инспектор посмотрел на своего напарника, потом снова на Кая.

— Хорошо. Покажи.

Кай подошёл к терминалу, коснулся панели, и экран вспыхнул, открывая интерфейс, доступный только «одобренным» пользователям. Он быстро просмотрел последние записи, нашёл строку с действиями Лира, а потом... просто переписал её.

Лир смотрел на брата, не веря своим глазам. Кай не просто прикрывал его — он использовал саму систему против неё. Он изменил логи, сделал так, будто доступ к терминалу был санкционирован, а отмена перераспределения Миры — частью учебного задания.

— Вот, — спокойно произнёс Кай, поворачиваясь к инспекторам. — Это было частью моего задания по курсу «Административные протоколы». Я проверял, как работает отмена перераспределений. Мой наставник, куратор Элара, должна была подтвердить это позже.

Инспекторы снова переглянулись. Они не хотели признавать, что могли ошибиться. Но профиль Кая был безупречен, а его действия — в рамках правил. Система не могла найти в них нарушения.

— Ладно, — наконец произнёс старший инспектор, будто сдаваясь перед безупречностью протокола. — Если это было задание, то вопросов нет. Но пусть твой наставник подтвердит это в течение часа.

Кай спокойно кивнул.

— Конечно. Я сразу же свяжусь с ней.

Инспекторы ещё раз посмотрели на Лира, будто пытаясь запомнить его лицо, а потом развернулись и ушли, забрав с собой дрона.

Когда они исчезли за поворотом, Лир наконец смог выдохнуть. Он смотрел на Кая, и в его глазах стояли слёзы — не от страха, а от благодарности.

— Ты... ты изменил логи, — прошептал он, всё ещё не веря в то, что произошло. — Ты обманул систему.

Кай пожал плечами, но в его глазах мелькнуло что-то, похожее на гордость.

— Система любит порядок, — тихо ответил он. — А я — ответственный исполнитель. Я просто... навёл порядок в её же отчётах.

Лир обнял брата, крепко, так, будто боялся, что, если отпустит, Кай исчезнет, растворится в этом стерильном мире.

— Спасибо, — прошептал он. — Я не знаю, что бы я делал...

Кай чуть заметно улыбнулся.

— Не благодари. Просто... в следующий раз не рискуй так. Если тебя заберут, я не смогу тебя вытащить.

Лир кивнул, понимая, что брат прав. Но он также понимал: иногда риск — это единственный способ спасти кого-то.

В этот момент из-за угла появилась Мира. Она стояла, прижавшись к стене, будто боялась поверить в то, что происходит.

— Это ты... ты сделал это? — тихо спросила она, глядя на Лира.

Лир хотел, что-то сказать, но не нашёл слов. Он просто кивнул.

Мира подошла ближе, осторожно, будто боялась спугнуть этот момент, и тихо произнесла:

— Спасибо. Я... я не хотела уезжать.

Лир посмотрел на неё и вдруг понял: он не просто спас одноклассницу. Он сделал что-то настоящее. Что-то, что система не могла просчитать.

За окном город продолжал мерцать неонами, экраны крутили свои бесконечные ролики, дроны скользили между небоскрёбами, а система продолжала считать, измерять и предсказывать. Но в этом маленьком коридоре, среди тишины и напряжения, рождалось что-то, что она не могла контролировать: трое детей, которые поняли, что даже в мире, где всё решено за тебя, можно сделать свой выбор.

И пусть сегодня Лир снова был «потенциальным риском». Пусть завтра система попытается стереть эту искру непокорности. Где-то в глубине души он знал: пока рядом есть Кай и Мира, система не сможет полностью победить.

Потому что свобода — это не только борьба. Это ещё и способность видеть, кому нужна помощь, и делать шаг вперёд, даже когда колени дрожат. Даже когда весь мир говорит: «Не надо».

И Лир сделал этот шаг. Не ради славы. Не ради признания. А ради того, чтобы кто-то рядом мог остаться собой.

Лир никогда не думал, что место, где нет камер, может казаться таким пугающим — и одновременно таким свободным.

Они шли по узкому проходу между двумя обветшалыми зданиями, где стены были покрыты слоями старой рекламы, облупившейся краски и самодельных надписей. Провода свисали с перекрытий, как толстые чёрные лианы, местами сплетаясь в узлы, местами обрываясь и искря на ветру. Здесь пахло пылью, жареной едой и чем-то ещё — запахом жизни, которая не вписывалась в стерильные протоколы системы.

— Держись ближе ко мне, — тихо сказал Кай, оглядываясь по сторонам. — Здесь не любят чужаков. Особенно тех, у кого на одежде ещё виден школьный маркер.

Лир коснулся рукава, где едва проступал тонкий светящийся узор — метка, которую система наносила на форму «одобренных» детей. Он хотел содрать её, стереть, сделать так, чтобы она не выдавала его с головой. Но знал: это не поможет. В трущобах чужака видно не по одежде — по тому, как он двигается, как смотрит, как боится.

Мира шла между ними, прижимая к груди потрёпанный рюкзак. В нём лежали несколько батончиков из школьного автомата, бутылка воды и маленький плоский предмет, который она называла «глушилкой» — устройство, собранное кем-то из местных, чтобы на короткое время создавать помехи в сигнале.

— Почти пришли, — прошептала Мира, указывая на проём в стене, замаскированный под груды ящиков. — Там вход в нижний уровень. Там живут те, кого система не видит.

Лир сглотнул. Он столько слышал об этих местах: о «слепых зонах», где сигнал терялся среди переплетения старых кабелей и экранирующих стен; о детях, которые росли без профилей, без оценок, без ярлыков вроде «потенциальный риск». И теперь он сам шёл туда, будто искал убежище от мира, который пытался его определить.

Когда они спустились по ржавой лестнице, воздух стал тяжелее, гуще, пропитанный запахом сырости и чего-то металлического. Внизу горел тусклый свет — не ровный, как в школьных коридорах, а прерывистый, мигающий, будто сам город здесь дышал неровно.

Перед ними стоял мальчик лет двенадцати, в куртке с множеством карманов, с настороженным взглядом и руками, спрятанными в карманах.

— Вы кто такие? — спросил он, не делая шага вперёд, но и не отступая. — И откуда у вас эта метка?

Кай шагнул вперёд, спокойно, без вызова, но твёрдо.

— Мы не враги, — сказал он. — Нам просто нужно место, где можно спрятаться. И поговорить с теми, кто знает, как жить без системы.

Мальчик прищурился, будто пытался прочитать между строк.

— Без системы не живут, — сухо ответил он. — Просто живут по другим правилам. И эти правила могут тебе не понравиться.

Мира вышла вперёд, чуть заслоняя Лира.

— Нас трое, — тихо сказала она. — И у нас есть кое-что, что может быть полезно. Не еда и не деньги. Информация. Мы знаем, как система обновляет прошивки камер. И у нас есть окно — семнадцать секунд, когда она слепнет.

Мальчик замер, потом медленно вытащил руки из карманов. В одной из них была маленькая коробочка с мигающим диодом.

— Семнадцать секунд, — повторил он, будто пробуя слова на вкус. — Это много. Или очень мало. Зависит от того, что ты хочешь успеть.

Он помолчал, потом кивнул в сторону тёмного прохода.

— Ладно. Пойдём. Но если кто-то из вас попытается нас сдать... я не буду звать инспекторов. Я просто сделаю так, что система вас больше не найдёт.

Лир вздрогнул от этих слов. Они звучали не как угроза, а как обещание.

Их привели в небольшое помещение, похожее на бывший склад. Стены были обшиты металлическими листами, пол усыпан опилками и обрывками ткани, а в центре стоял старый стол, на котором мигали несколько самодельных экранов. Вокруг сидели дети — от восьми до шестнадцати лет, все с одинаковым взглядом: усталым, внимательным, привыкшим замечать опасность раньше, чем она появится.

Один из старших, парень с тёмными волосами и шрамом над бровью, встал и подошёл к ним.

— Я Зейн, — коротко представился он. — Это моя зона. Здесь мы держимся вместе, потому что поодиночке система нас просто стирает.

Кай кивнул, будто понимая, о чём речь.

— Спасибо, что пустили нас, — сказал он.

Зейн посмотрел на Лира, задержав взгляд на его лице, будто пытаясь прочесть его историю по глазам.

— Ты тот самый, кого поместили как «риск»? — прямо спросил он.

Лир хотел отвернуться, спрятаться за спинами друзей, но заставил себя посмотреть Зейну в глаза.

— Да, — тихо ответил он. — Но я не хочу быть угрозой. Я просто... не хочу, чтобы решали за меня.

Зейн чуть заметно улыбнулся, но в этой улыбке не было насмешки.

— Знаешь, в этом мире «не хотеть, чтобы решали за тебя» — уже считается угрозой, — спокойно произнёс он. — Система не терпит вопросов. Она любит тех, кто кивает и делает, что сказано.

Мира шагнула вперёд.

— Мы пришли не просто прятаться, — сказала она, доставая из рюкзака глушилку. — Мы пришли учиться. И, возможно, помогать. У нас есть информация о слепых зонах. И мы хотим понять, как использовать это, чтобы защитить себя... и других.

Зейн взял устройство, повертел в руках, потом кивнул.

— Это пригодится. У нас тут свои методы, но любая помощь — это шанс. А шанс в этом городе на вес золота.

Лир огляделся, чувствуя, как внутри медленно разгорается что-то новое — не страх, а надежда. Здесь не было экранов с рекомендациями, не было камер, следящих за каждым вздохом. Здесь были люди, которые знали, что значит быть невидимым — и при этом оставаться собой.

Один из младших, мальчик лет девяти, подошёл к Лиру и тихо спросил:

— А ты правда взломал терминал?

Лир замер, не зная, что ответить. Он не считал себя героем. Он просто не мог позволить увести Миру.

— Да, — наконец признался он. — Но мне помогли. Мой брат... он спас меня. Мальчик посмотрел на Кая, потом снова на Лира.

— Значит, у тебя есть тот, кто прикрывает спину, — серьёзно произнёс он. — Это самое главное.

В этот момент Лир понял: здесь, в трущобах, сила была не в том, чтобы быть самым смелым или самым умным. Сила была в том, чтобы знать: если ты оступишься, кто-то подхватит тебя.

Зейн собрал всех вокруг стола. На экранах мелькали схемы, обрывки данных, маршруты патрулей.

— Слушайте, — сказал он, глядя на всех по очереди. — У нас появилась новая возможность. Эти ребята знают, когда система слепнет. А мы знаем, где она глухая. Если мы соединим это... мы сможем делать то, что раньше казалось невозможным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.